

На грани катастрофы мировой культуры.

Во второй книжке „Русского Сборника“ проф. Е. В. Спекторский, рассматривая кризис современности государства, высказывает предположение, не идет ли человечество к своеобразному возвращению в Средние века с их преобладающим обществом в отдельных группах его над государственности? Это соображение проф. Спекторского побуждает и меня высказать несколько мыслей, которые уже давно, еще перед войной и гораздо сильнее во время войны, тревожили меня.

На первый взгляд это так просто: война была вызвана соперничеством политических интересов, за которыми скрывались такие-то экономические факторы. Англия хотела того-то, Германия того-то; эти категории были вызваны такими-же необходимостями. И в конце концов, переживнув через несколько еще подобных „необходимостей“, мы приходим к необходимости войны. Ведь, всё же знал, что война будет жестокой и разрушительной. И все-таки из-за нее Правда мир обнаружил тогда такое же детское, такое же, как оно обнаруживается и теперь, закрывая глаза на большие вещи. Материальная культура не может быть иной, кроме как, близкой к детскому сознанию: для того, чтобы жить далеко в будущее, надо уметь высоко подниматься, а у мира материальности сознание стучит, чтобы ступить над землей. Действительно, стоило ли Франции так долго думать о том, чтобы приобрести для себя провинции, которые прежде не так уже страдали под немецкой властью, разрывавшей их было связано с неизбежным разрушением других провинций, уже чисто французских, с неизбежным уничтожением сотен тысяч жителей? ... Но все же детское, которое различало себя необыкновенно быстрыми ходами войны, зорким взглядом на то, что, как бы быстро ни пролегли урваны, планы по разрушительной работе не будут легки.

Но думаю, не оттого война развернулась и вытекла в свое русле, не из-за того, что экономические и политические интересы не удовлетворены и правительства были парализованы соперничеством, а потому, что идея человечеству неким стало жить. Людям всегда нужна сама идея их существования. Для известных индивидуальностей такой идеей может заключаться в их политической вере. Одни веруют в Нидерланды, другой в Украину, в некое национальное объединение (южно-славянское, панславянское, общерусское и т. д.), в коммунизм или в „кадетскую“ программу. Из убеждения идут такие дела люди и идут с упрямством, с фанатизмом, с самопожертвованием. Но что же дальше? Пусть будет са-

мостыица Украина, пусть все человечество станет „кадетами“ или „внтисемитами“, или „син рейнерами“. Развѣ будетъ тогда найдены смыслъ существованія, развѣ за той курицей, которая будетъ въ супѣ кѣхяго крестьянница, скъ является хоть какое-нибудь внутреннее управленіе жизни?

Человѣчество, — инстинктивно въ своей массѣ, сознательно въ своихъ отдѣльныхъ лучшихъ представителяхъ, — еще передъ войной вошла въ отчаяніе отъ той ужасающей духовной пустоты, которая развѣрзалась у его ногъ. Прогрессъ техники остается только прогрессомъ техники, несмотря на все беззволочные телеграфы и латуня машины: улыбки точныхъ и источныхъ наукъ только яснѣе обрисовывали ту стѣну, на которую рано или поздно должны были налетѣть эти улыбки. А то, самое важное, ради чего стоить жить, оказывалось вдали на разудаломъ (какъ нельзя человѣческими силами одолеть, если, конечно, не какъ будто бы затуманеннымъ гордымъ выдумкамъ этой „цивилизаци“ „бѣдѣ ралиги“, которая для „образованнаго человѣка“ являлась чѣмъ-то почти неприличнымъ, имѣлась масса возможностей на разныхъ хитрыхъ построеніяхъ. Но едва-ли эти возможности удовлетворяли и самихъ ихъ выдумщиковъ. Государства, не дѣйствуя е ралигационной санкціи, съ посылками всемъ „демократическими“ фармачеи политикомъ, въ которыхъ преуспѣвали крохуны, фавориты и на брѣвнища вѣжливости съедлаями и интикамы, — такое „судно“ не держатся на вѣтерин.

Въ войну безжалостно съ какими-то отчаяніемъ, съ запасомъ вѣрности вѣры, которая оказалась въ поискахъ иного примѣненія и истери превращалась вярую, — отъ неужестомъ удивительныхъ подвигамъ „син рейнерами“ и всеякой доблести: ихъ война выдѣла въ изобилие „бѣдѣ ралиги“ до „хвостамъ“, пока оставалась хоть какая-нибудь возможность, и кончась войну, увидѣли, что ни одна проблема же ралигационна. Пережить войну стоить все та же стѣна, — вѣдѣ ралигационнаго государства чести, безрелигиозной семьи, стѣна нацѣ ралигационнаго единства. Тамъ былъ „вѣдѣ ралиги“ достигнуть, — напр., севернѣе государство, — политическое, национальное объединеніе, жидкая вѣдѣ ралиги территория, — дозволь тамъ, хотя бы, чужихъ пароходовъ, — чувствуютея такъ же много внутренне удовлетворенія, какъ вѣдѣ ралиги, тѣмъ необходимыми вѣдѣ ралиги должны ралигационна фантастическіе минализми, которыхъ, сколько вѣдѣ ралиги и побѣдители, и побѣжденные они никакъ не утѣшаютъ.

Въ блестящей статьѣ „суверенитетъ“ народовъ, которую проф. Э. Д. Григъ илечалить въ первомъ „Русскомъ Сборникѣ“, она дѣлѣ зѣрную картину этого духовнаго разброда современнаго человечества. Я думаю, что кризисъ такъ глубокъ, какъ мы, современники, не можемъ даже представить себѣ. Но даромъ уже иѣ сколько разъ высказывалась опасеніе, не окончился-ли нашъ историческій періодъ, и привоцились аналогин къ теперешнему нашему состоянию въ послѣднихъ вренѣхъ Рима. Не даромъ и такъ живы у

многихъ ожиданія эсхагологическія. Но выходъ изъ нашего кризиса, явнѣйшему, еще не намѣнился. Чувствуется только, что если все будетъ идти дальше такъ, безъ катастрофы дѣло не обойдется, и что она медленно и вѣрно подкрадется. Эта страшная растерянность европейскихъ правительствъ — нѣчто роковое. Не въ большевизмѣ, который для Европы слишкомъ грубъ и примитивенъ, чтобы надолго овладѣть умами, — а въ чемъ то другомъ должна будетъ заключаться эта катастрофа, если человѣчество будетъ идти дальше по пути обожествленія эгоизма, личного или національнаго, безразлично. И, можетъ быть, несчастная поруганная Россія будетъ счастливѣе самодовольнаго міра „культуры“, потому что въ ней будетъ больше смиренія, правды, отрицанія лжи, чѣмъ тамъ.

Нѣкогда Мицкевичъ, находясь среди польской эмиграціи въ Парижѣ, написалъ „Книги польскаго пилигримства“, которыя на многие десятки лѣтъ сдѣлались откровеніемъ и путеводной звѣздой для польскаго народа. Польша ему казалась распятымъ за грѣхи народовъ Христомъ народовъ. И въ этомъ было извѣстное кощунство, но для него имѣлось оправданіе: вѣдь польскіе патріоты гибли во имя освобожденія своего народа отъ чужого насилія. Гибнуть за родину — всегда доблесть, и въ этой гибели всегда лежитъ залогъ возрожденія родины. Мицкевичъ понятенъ намъ и прекрасенъ до сихъ поръ.

Но нѣтъ никакого оправданія для другого сравненія, которое теперь кто-то пустилъ въ оборотъ: „Распятая Россія“. Русскій народъ, открывшій свои границы врагу вѣшному и свои сердца тому врагу, который, по Евангелію, лохищаетъ не только жизнь, но и душу, — не есть распятый Христосъ. Правда, онъ распятъ, но за свои грѣхи и безмѣрные злодѣянія. Это — разбойникъ, распятый вмѣстѣ съ Христомъ. Мы знаемъ изъ разсказа ученика, котораго любилъ Христосъ, и который стоялъ у креста Его, что изъ двухъ разбойниковъ, висѣвшихъ по обѣ стороны Спасителя, одинъ покаялся и былъ помилованъ, а другой хулилъ Христа и умеръ хулителемъ. И вотъ это сравненіе, я думаю, дѣйствительно подходитъ къ русскому народу. Какимъ разбойникомъ окажется онъ: покаившимся или злымъ до конца? Скажетъ-ли онъ: „помяни меня, Господи?“

Въ этой проблемѣ, думается мнѣ, разрѣшеніе и всей современной проблемы человѣчества. Новымъ народамъ придти на смѣну геперешшимъ, какъ это было послѣ крушенія Рима, не откуда; новая религія не можетъ возникнуть и не привлечетъ людей. Но паденіе чувства добра, если оно будетъ идти, какъ теперь, должно привести къ такому озвѣрѣнію человѣчества, къ такому упадку регулирующаго государственнаго правопорядка, которое превратится въ настоящую катастрофу.

И отъ Россіи зависить теперь рѣшающее слово: если она преодолѣетъ свое внутреннее зло, возродитъ свою жизнь на христіанскихъ началахъ, тогда спасено и все человѣчество. Иначе гніеніе, анархія, катастрофа, гибель . . .